

Серафимовское кладбище расположено на северо-западе Петербурга, в Приморском районе, в местности, известной с XVIII в. под названием Новая Деревня. Южная граница кладбища выходит к полотну Сестрорецкой железной дороги, с запада его ограничивает Торфяная дорога, с севера —

Богатырский проспект. Войдя через главные ворота, сразу же останавливаешь взгляд на расположенном справа от входа торжественно-строгом мемориале, установленном среди могил погибших во время блокады жителей города. Дальше дорога ведет к центру кладбища — небольшой асфальтированной площади с деревянной церковью святого Серафима Саровского. Рядом с храмом находится деревянная часовня, напротив — красивый склеп семейства Синицыных. Здесь же расположена кладбищенская контора. У церкви перекрещиваются две основные дороги кладбища. Центральная (бывшая Серафимовская) дорога, начинающаяся от главного входа, пересекает кладбище с юга на север и заканчивается у Богатырского проспекта. Другая, так называемая Березовая аллея, проложена с востока на запад, от церкви до Торфяной дороги. Современный облик некрополя главным образом определяют захоронения послевоенных десятилетий, хотя само-Серафимовское кладбище относится к числу дореволюционных — оно основано в 1905 г. История же первого кладбища в Старой Деревне—предшественника Серафимовского — восходит к гораздо более раннему времени — 60-м гг. XVIII в. По вступлении на престол Елизаветы Петровны барон А. И. Остерман впал в немилость и был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой на Урал. Его загородная мыза Каменный Нос на правом берегу Большой Невки, с землями от Черной речки до Старой Деревни, была пожалована канцлеру графу А. П. Бестужеву-Рюмину. В 1764—1765 гг. Бестужев-Рюмин между Старой и Новой деревнями построил для крестьян, трудившихся над созданием его Каменноостровской усадьбы, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Мыза стала называться по церкви селом Благовещенским.

Через пять лет в деревянном храме устроили придел святого Александра Невского, куда перенесли из домового храма графа иконостас, происходивший из первого Исаакиевского собора.

12 июня 1803 г. во время грозы в купол церкви попала молния; начавшийся пожар уничтожил большую часть строения, а вместе с ним и многие ценные документы, относящиеся к строительству церкви. Она была восстановлена в 1803—1809 гг. на средства нового владельца мызы Сергея Саввича Яковлева, сына известного петербургского богача Саввы Яковлева.

Круглый храм в формах классицизма увенчала оформленная тосканской колоннадой ротонда. Вид перестроенной церкви с берега Елагина острова запечатлен на иллюстрации М. Н. Воробьева к идиллии Н. И. Недича «Рыбаки». Скончался Яковлев в 1818 г., оставив наследницами семь дочерей, в замужестве Авдулину, Никитину, Манзей, Сабир, Альбрехт и двух Шишмаревых. Село Благовещенское разделили на семь частей, которые по жребию достались сестрам. Церковь оказалась между участками Никитиных и Авдулиных.

Для погребения умерших крестьян трех деревень — Старой, Новой и Коломяг, составлявших приход Благовещенской церкви,— в 1765 г. было отведено кладбище, где, согласно записи в метрической книге, «в сентябрьскую треть» того же года были произведены первые двенадцать захоронений. Кладбище это, называвшееся приходским, общественным и, уже в советское время, Крестьянским, находилось в полуверсте от церкви, в районе современной Дибуновской улицы. К началу XX в. оно занимало около трех десятин земли.

Новодеревенский приход считался одним из беднейших пригородных приходов Петербурга. Церковь содержала себя главным образом не на церковные, а на кладбищенские доходы, поступавшие от погребений. Характер захоронений на

приходском кладбище оставался на протяжении XIX в. по существу неизменным. Помимо крестьян трех деревень, здесь хоронили дворовых людей окрестных помещичьих мыз, прислугу Елагинского и Каменноостровского дворцов, матросов Инвалидного дома на Каменном острове, низших чинов Кавалергардского полка, квартировавшего после летних маневров в Новой Деревне,— одним словом, представителей беднейших сословий пригородной заречной части Петербурга.

Общее число ежегодных захоронений на приходском кладбище колебалось в XIX в. от сорока до девяноста человек, и от двухсот до трехсот — в начале XX в. Вот свидетельство О. А. Пржецлавского, одного из переживших «вторую холеру» 1848 г.: «Я с семейством жил тогда в Новой Деревне; там каждый день кто-нибудь умирал холерой, а врачей надобно было выписывать из города. На весь дачный околоток Новой и Старой деревень был один только доктор, живший у графов Строгановых на даче, да и его было трудно застать дома».

Насколько известно, богатых памятников на этом кладбище не было. На могилах усопших родственники обычно ставили кресты — деревянные или металлические—и зажигали подле них лампадки.

В годы Великой Отечественной войны на Крестьянском кладбище хоронили обслуживающий персонал Комендантского аэродрома. В начале 1950-х гг. общественное кладбище было уничтожено в результате застройки Новой и Старой деревень новыми жилыми кварталами.

Каким было крестьянское погребение в XIX в.? В церковных источниках мы находим такое свидетельство: «При погребении нет никаких особенностей. Поминки по умершим сопровождаются чтением псалтыри. Накануне поминального дня родные собираются в доме умершего и всю ночь грамотные читают псалтырь, а неграмотные служат и

молятся». По рассказу одного из новодеревенских старожилов, гроб с телом покойного от дома до кладбища непременно несли на руках. Перед гробом шли внуки усопшего с цветами в руках, за гробом—его дети и близкие. Таков был крестьянский обычай. Наряду с приходским общественным кладбищем в Старой Деревне существовало еще одно, непосредственно при Благовещенской церкви, так называемое Благовещенское кладбище, оформившееся, по-видимому, на рубеже XVIII—XIX вв. и отличавшееся довольно богатым некрополем. Обследовавший его в начале нашего столетия священник этой церкви Павел Пашский обнаружил наиболее ранние плиты, датированные 1802 г. Первоначально кладбище это долгое время было окопано только канавою и «часто подвергалось нападению злоумышленников, которые безнаказанно ломали кресты, памятники, надругались над прахами погребенных, рубили и вывозили целые деревья и деревянные кресты для отопления своих домов». По этой причине кладбище обнесли забором и наняли в 1855 г. на средства Новодеревенского сельского общества двух сторожей. Благовещенское кладбище в начале XX в. было небольшим—площадью не более четверти десятин—и красивым, со многими фамильными склепами и мраморными памятниками над могилами знатной новодеревенской публики—военных, купцов, артистов, писателей. Позднее здесь обрели последнее пристанище, некоторые из владельцев модных увеселительных заведений в Новой Деревне. На краю кладбища были похоронены в 1930 гг. двое лам, служителей буддийского храма в Старой Деревне, могилы которых были отмечены особыми надгробиями—субурганами, сложенными из камней.

Здесь были похоронены актер Платон Петрович Пронский (1825—1875) и Константин Николаевич Константинов-Лазари (ум. 1903). Неподалеку находилось семейное место актеров Стремляновых, где были погребены Гавриил Николаевич Стремлянов (ум. 1903),

отец актрисы М. Г. Савиной, ее сестра Елена Гавриловна Соболева (рожд. Стремлянова, 1857—1883) и брат Николай Гаврилович Подраменцев (1866—1907). Обращали на себя внимание могилы скрипача, дирижера, профессора консерватории Николая Владимировича Галкина (1856—1906) и писателя Сергея Николаевича Терпигорева (Сергея Атавы) (1841 — 1896).

25 мая 1891 г. в церкви Училища правоведения на Фонтанке отпевали профессора Ивана Ефимовича Андреевского (1831 —1891). Присутствовали академик А. П. Бекетов, сенаторы А. Ф. Кони и Н. С. Таганцев, профессора университета, Военно-медицинской академии, Археологического института, студенты. После отпевания многолюдная траурная процессия направилась по Каменноостровскому проспекту к Новой Деревне. Известный правовед и ректор университета завещал похоронить его на Новодеревенском кладбище рядом с могилой сына.

В 1851 г. архитектор А. И. Кракау провел в Благовещенском храме реставрационный ремонт, а в 1900—1901 гг. по проекту В. К. Теплова к церкви пристроили колокольню, ризницу, переделали купол. Особого упоминания заслуживают захоронения внутри церкви, которая превратилась в семейную усыпальницу владельцев окрестных имений. Здесь был похоронен генерал от кавалерии граф А. П. Никитин (1777—1858), герой Отечественной войны 1812 г.; генерал-лейтенант граф Ф. В. Орлов-Денисов (1802—1865), сын героя войны 1812 г. В. В. Орлова-Денисова; графиня Е. А. Орлова-Денисова (рожд. Никитина), жена Ф. В. Орлова-Денисова и дочь А. П. Никитина; генерал-лейтенант Ф. С. Чернышев (1805—1868), участник обороны Севастополя 1855 г., прославившийся также на литературном поприще; камергер А. Ф. Дурасов (1831 —1888) с женой; генерал-майор М. И. Сабир (1820—1870) с женой и детьми; вдова генерал-майора С. С. Манзей (1799—1882), «отличавшаяся усердными приношениями на здание храма», и некоторые другие.

Если в первой половине XIX в. окрестности Черной речки, включая Старую и Новую деревни, были модным дачным местом, то к концу столетия положение меняется. Аристократическая публика лишь изредка заглядывает в увеселительные сады вроде Аркадии и Ливадии, летом же в основном здесь селятся дачники из мелких чиновников.

Отмечается заметный рост пришлого населения—к началу XX в. оно уже втрое превышает число коренных жителей, основным занятием которых по-прежнему остаются огородничество и извоз. В 1883 г. в Старой и Новой деревнях и Коломягах насчитывалось четыреста сорок восемь дворов, в которых обитало две тысячи семьдесят пять душ. В 1920 Г. в Старой и Новой деревнях было триста пятьдесят пять домов с общим населением в две тысячи двести двадцать три человека.

Росту населения сопутствовал рост смертности, неудивительный при удручающем состоянии новодеревенского коммунального хозяйства. К концу XIX в. «общественное» кладбище (как и Благовещенское) оказалось переполненным, и перед причтом Благовещенской церкви стал неотложный вопрос о его расширении.

Санитарно-полицейский осмотр кладбища 28 ноября 1902 г. показал, что «хоронить на нем невозможно ни крестьян, ни умерших частных обывателей». Поначалу хотели расширить его, прирезав дополнительный участок, для чего обратились к

Стародеревенскому обществу крестьян с просьбой продать около двух десятин земли. Крестьяне выдвинули условие—погребать их на кладбище безвозмездно и там, где они пожелают. Согласиться с этим требованием было невозможно, так как крестьян в Новодеревенском приходе к началу XX в. было втрое меньше, чем пришлых людей, «имевших свои дома и оседлость» и, естественно, тоже желавших хоронить родственников на приходском кладбище.

Тогда причт и церковный староста обратились в Духовную консисторию с просьбой о разрешении открыть новое кладбище на церковной земле в двадцать семь десятин пятьсот пятьдесят одну квадратную сажень. Духовная консистория направила дело в Святейший синод, который указом от 23 июня 1903 г. «разрешил 27 дес. 551 кв. саж. отвести для удовлетворения сей нужды». Согласия Синода, однако, было недостаточно: через четыре месяца последовало разрешение гражданского начальства— Губернского управления.

Отведенная под новое кладбище земля представляла собой голое поле позади железнодорожного полотна. Участок огородили забором, осушили с помощью канав и разделили на восемь разрядов с установлением цен на могилы от трех до сорока рублей. Первое захоронение на кладбище, согласно записи в метрической книге, произведено 28 мая 1905 г. Из дореволюционных захоронений упоминания заслуживают два, до наших дней, по-видимому, не уцелевшие: знаменитого оперного певца Александра Андреевича Лярова (Гилярова) (1839—1914) и одного из первых русских авиаторов, добровольца Балканской кампании 1912 г. Николая Дмитриевича Костина (1880—1913).

Весной 1905 г. начался сбор средств на постройку кладбищенской церкви. Решено было освятить ее в честь новопрославленного святого Серафима, монаха Саровской пустыни.

Церковь эта — одна из первых, посвященных канонизированному летом 1903 г. преподобному Серафиму Саровскому (1760—1833), по словам архиепископа Филарета, — «самому великому подвижнику благочестия последних времен».

В дополнение к кружечному сбору в Благовещенской церкви Синод распорядился I выдать причту пятьдесят тысяч рублей ссуды сроком на десять лет. Весной 1906 г. была I создана строительная комиссия, а 25 июля торжественно заложили новый храм, отметив событие крестным ходом из приходской Благовещенской церкви.

Кладбищенская церковь по проекту епархиального архитектора Н. Н. Никонова была возведена в необычно короткие сроки (всего за восемьдесят семь дней) и освящена 1 марта 1907 г. Для удобства отпевания боковые приделы были отделены от главного. Позже фасад церкви украсили тремя живописными изображениями святого Серафима, уже в наши дни замененными мозаиками.

Иконы, утварь и даже иконостас были пожертвованы состоятельными прихожанами Благовещенской церкви. Наиболее древнюю из икон — Смоленскую Богоматерь — перенесли из Благовещенской церкви. По преданию, она была привезена в Петербург при Петре I смоленскими мастерами. Особым почитанием верующих пользуется местно-чтимый образ святого Серафима Саровского, а также его портрет, написанный игуменом Ионафаном, учеником и биографом старца Серафима. В память о ста шестидесяти трех солдатах 36-го пехотного Орловского полка, погибших в боях при реке Сан в октябре 1914 г., у левого клироса укреплен небольшая латунная икона, перед которой горит неугасимая лампада.

Серафимовское кладбище оказалось единственным из трех новодеревенских кладбищ, которое сохранилось до наших дней. В 1920-е гг. Благовещенская церковь становится храмом обновленческого толка. Постановлением ВЦИК от 20 марта 1935 г. она взята под государственную охрану «как памятник архитектуры XVIII века, представляющий по своим архитектурным формам значительный художественный интерес». Однако это не спасло ее в 1937 г. от закрытия и переоборудования в производственный цех Завода резиновых изделий. Были уничтожены не только захоронения внутри церкви, но и окружающее ее кладбище (официально закрытое в 1928 г.). В 1941 г. архитектор И. Н. Бенуа писала: «От бывшего кладбища, находящегося при самой церкви, не осталось и следа, если не считать разбросанных кое-где надгробных плит. Все погребения вывезены или уничтожены». Погибла и могила писателя С. Н. Терпигорева (Сергея Атавы), хотя Союз писателей ходатайствовал о переносе захоронения на Литераторские мостки. Колокольня Благовещенской церкви была разобрана в 1947 г.

В известном смысле Серафимовское кладбище явилось продолжением Крестьянского, образуя, по сути дела, единый с ним некрополь. Едва ли можно сомневаться в том, что это было кладбище новодеревенской бедноты. Так, в Путеводителе по северным окрестностям Ленинграда за 1927 г. читаем: «В настоящее время Старая и Новая деревни присоединены к городу, дач здесь больше нет, и в маленьких, скученных домиках ютится главным образом бедное население города».

С началом блокады Ленинграда Серафимовскому кладбищу отводится особая роль. Оно становится вторым после Пискаревского местом массовых захоронений жителей Ленинграда и воинов, погибших при защите города. Начиная с ноября 1941 г. потянулись нескончаемые погребальные «процессии» в сторону Серафимовского — те, у кого еще были силы, везли сюда умерших на санках, а то и просто на листе фанеры. Один за другим к кладбищу подъезжали грузовики, доверху груженные трупами, собранными по

всему городу. Вот как описала в 1942 г. похороны тех дней пережившая блокаду поэтесса Н. В. Крандиевская-Толстая (похоронена на Серафимовском в 1963 г.):

Труден путь, далек до кладбища,
Как с могилой быть?
Довезти сама смогла б еще,—
Сможет ли зарыть?
А не сможет — сложат в братскую,
Сложат как дрова,
В трудовую, ленинградскую,
Закопав едва.

Отавный архитектор Ленинграда Н. В. Баранов в книге воспоминаний «Силуэты блокады» рассказывает, как ему довелось хоронить отчима на Серафимовском: «Я давно здесь не бывал и впервые увидел, что людей теперь хоронят не в могилах, а в общих траншеях. Девушки из частей МПВО не в состоянии были долбить мерзлую землю. Они взрывали ее, прокладывая длинные и широкие рвы, куда укладывали мертвых... Они приняли самодельный гроб и быстро уложили труп в траншею, а фанерную домовину бросили в костер. Перед уходом я спросил, как потом узнать место погребения, и мне ответили, что в конце траншеи ставятся дощечки с номерами и сейчас захоронение велось в траншее № 6». Всего на Серафимовском кладбище в годы блокады было похоронено, по приблизительному подсчету, сто тысяч человек, на самом же деле, возможно, в два, три раза больше.

В блокадные дни Серафимовская церковь оставалась действующей, хотя, конечно же, богослужения в ней совершались нерегулярно. По рассказам прихожан, когда пришла весть о снятии блокады, впервые после 1933 г. (запрет колокольного звона) ожившие церковные колокола оглашали своим звоном окрестности двое суток.

В послевоенный период Серафимовское кладбище на два десятилетия становится одним из основных городских некрополей. Его территория значительно расширилась в результате прирезок земли в 1945 — начале 1950-х гг. Это прежде всего район современных Ясневых и Вязовых аллей площадью около двадцати гектаров. В настоящее время кладбище занимает около пятидесяти девяти гектаров и является полузакрытым. Новые захоронения немногочисленны и производятся главным образом в северной части и около церкви.

Справа от главного входа расположен мемориал жертвам блокадного Ленинграда. Он создан на месте шестнадцати братских могильных холмов и торжественно открыт 27 января 1965 г., в 21-ю годовщину снятия блокады. Общий проект некрополя разработал профессор Я. И. Лукин; скульптурные фигуры выполнили студенты ЛВХПУ им. В. И. Мухиной под руководством профессора Р. К. Таурита. В центре высится четырех-пролетный портик на высоком цоколе, с пятью монументальными скульптурами, изображающими защитников и тружеников Ленинграда. Перед портиком—гранитный куб с зажженным Вечным огнем и площадка, вымощенная черным лабрадоритом. Авторы стихотворных эпитафий — М. А. Дудин, И. К. Авраменко, С. С. Орлов, О. Н. Шестинский. Подчеркнуто простой и в то же время торжественный мемориал гармонично обрамляет зелень газонов, кустарников и деревьев, стеной стоящих позади него.

По другую сторону Центральной дороги, слева от входа,— первые участки кладбища. Здесь немало памятников военачальникам Военно-Морского Флота и преподавателям Военно-морской академии. Дальше по Центральной дороге, у церкви, сконцентрировано

большинство исторических захоронений послевоенного времени. Могилы, относящиеся к раннему периоду существования кладбища (а таких сохранилось очень немного), расположены главным образом вдоль Березовой аллеи. Например, на участке 23 — ряд захоронений монахинь и послушниц Иоанновского женского монастыря на Карповке. На правой стороне аллеи (уч. 28) разбита так называемая профессорская площадка, где похоронены известные медики, сотрудники 1-го Ленинградского медицинского института им. Павлова. Обращает на себя внимание черный гранитный обелиск на могиле выдающегося терапевта академика Г. Ф. Ланга.

Если от церкви следовать по Центральной дороге дальше, то за участком 16 справа открывается вид на братские воинские захоронения времен Великой Отечественной войны. Все они отмечены однотипными белыми обелисками. Более семисот стоявших здесь до недавнего времени скромных именных раковин в 1985 г. были сняты в соответствии с решением исполкома Ленсовета. В результате воинские захоронения стали безымянными—к немалому возмущению родственников погибших, и не только их. Кроме этих захоронений, на кладбище есть еще несколько памятников на могилах погибших воинов.

За братскими военными захоронениями справа от Центральной дороги расположена Коммунистическая площадка. Здесь похоронены Герои Советского Союза, могилы которых находятся под охраной государства: Б. А. Алексеев (1909—1972), Н. И. Арчаков (1913—1961), И. И. Афанасьев (1901 — 1952), А. И. Гурин (1910—1962), П. И. Павлов (1908—1967) и И. С. Юмашев (1895—1972). На участке 14 погребен Герой Советского Союза Ф. Ф. Симаков (1915—1950). Здесь же находятся могилы двух большевичек, участниц революционного движения,— П. Ф. Куделли (1859—1944) и П. И. Кулебяко (1874— 1959), также охраняемые государством.

Затем дорога поворачивает влево и идет вдоль участка 20, где находится «уголок ветеранов сцены», пребывающий в весьма запущенном состоянии. Обогнув его, дорога устремляется прямо на север, к выходу на Богатырский проспект. С левой ее стороны несколькими рядами тянутся памятники ученым, писателям, артистам, военачальникам. Здесь находятся мемориалы, установленные в память о двух катастрофах—воздушной и морской. Первый отмечает могилу военных моряков-тихоокеанцев, погибших в Ленинграде при авиакатастрофе в 1981 г. Он включает сорок шесть мраморных досок с именами погибших, среди которых адмирал Э. Н. Спиридонов (1925—1981) (3-я Вязовая аллея). Второй мемориал воздвигнут морякам теплохода «Механик Тарасов», трагически погибшим в Атлантическом океане 16 февраля 1982 г. Он представляет собой кенотаф—площадку, на которой установлено девятнадцать гранитных стел с именами погибших. Источник: Исторические кладбища Петербурга. 1993 год.

Справочник-путеводитель. 640 с.